

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕВОЧКИ

Рассказ АЛ. ЛАН.

Иллюстрации Н. АКимова.

Агида возвращалась из уэда *) с кувшином на левом плече. Она спешила, так как наступил полуденный час, когда опасно долго находиться под палящими лучами солнца, и неустанно напевала жалобную песенку: ее тонкий голосок одиноко звучал в тишине пустыни.

Когда она проходила по деревне, одна из соседок вышла из-за глиняной ограды и окликнула ее.

— Агида! Агида! правда ли, что твоя мать рождает?

— Да, и я пошла за водой для лекарства, которое готовит бабушка,—роды очень трудные.

— Зайди на минутку, я дам тебе стих из Корана, который ускоряет роды. Мне написал его марабу Сидь Мога, — говорила женщина, тщательно запирая дверь за Агидой.

Мул, коза, куры копошились во дворе среди навоза.

— Входи,—сказала женщина, резко вталкивая Агиду в темную комнату.

Девочка попыталась открыть дверь.

— Ямина!—закричала она, что ты сделала? Открой скорее! Но Ямина не отвечала.

— Ямина, во имя Аллаха выпусти меня!

— Ты будешь благословенна!

— Шерсть твоих баранов да будет шелковиста!...

— Дорогая сестра, открой мне,—рыдала девочка, кляча себе пальцы о неподававшуюся дверь.

Открой мне скверная женщина! Ты не знаешь стыда и жалости!

— Да будет твоё лицо изъедено язвою проклятая собака да попадешь ты ногой в гнездо со змеями! — И девочка бросилась на пол, испуская крики отчаяния и гнева. На минуту замолкнув, Агида слышала, как соседка ходила по двору, беседуя с каким-то знакомым ей человеком. Она увидела полосатый бурнус ее мужа, Гамму-волопаса. Тогда она снова начала кричать. Незнакомец приоткрыл дверь и, грубо ругаясь, отодвинул бросившуюся к нему навстречу Агиду.

Затем он снова захлопнул дверь и Агида тихо проплакала до глубокой ночи, испуганная своим неожиданным несчастьем. Она не понимала, зачем соседка держит ее в заключении, так как она не причиняла ей зла, не заняла ее очереди у ручья, а ее отец Бужемаа — настух, был в хороших отношениях с Гамму-волопасом.

История Агиды, впервые появляющаяся в русском переводе на страницах „Красной Панорамы“, рисует правдивую картину жизни и быта Мароканской женщины.

„История Агиды“ написана француженкой Алисой Лан, имевшей возможность бывать в гаремах, всегда наглухо закрытых для всякого постороннего взгляда. Свои многолетние наблюдения Алиса Лан опубликовала в недавно вышедшем в Париже сборнике рассказов: глубоко знание жизни и характера Мароканской женщины, ряд ярких эпизодов и метких характеристик делают интересными и ценными эти рассказы. Один из них мы предлагаем вниманию наших читателей.

Ночью Ямина принесла ей воды и миску супа, но Агида ни до чего не дотронулась: она была убита горем. Они осыпали друг-друга оскорблениями и ругательствами.

На следующий день Агида, несмотря на горе, съела суп. Прошло еще три дня; на четвертую ночь она была разбужена Яминой. Гамму стоял подле нее с таким угрожающим видом, что от страха у нее слова застряли в горле.

Ямина замотала ей лицо платком и завернула в старое покрывало. Они охали всю ночь. На утро они прибыли в другую деревню и остановились у приятеля Гамму. Затем поехали дальше, опять остановились в какой-то деревне и снова поехали, пока не добрались до деревни гораздо большей, чем предыдущая. Волопас ввел Агиду в роскошное помещение. Колонны поддерживали своды, полы были покрыты коврами и подушками, двери были раскрашены.

Гамму не вошел в дом; старая негритянка ввела в комнаты одну только Агиду; там было много девочек и женщин, берберок и арабов. Агида узнала, что находится в Марракеше у Си Магомет бен Закура, богатого торговца рабами. Все они были захвачены хитростью или силой (Они плакали, рассказывая свои злоключения. Некоторые были замужем, но в большинстве все были очень молоды.—были и девочки 7—8 лет, как Агида... Одна совсем маленькая девочка каталась по полу и смеялась.

Агида зарыдала:

— Если Аллах покинул меня, кого молить о помощи? Остальные сочувствовали ей и жалобно стонали.

Затем они замолчали: хозяин вошел в дом. Это был красивый старик с лицом аскета, в белом сурнусе. Он перебирал четки и разговаривал со своим племянником, красивым и тучным человеком, отвечавшим ему с добротством.

Они подошли к Агиде, внимательно осмотрели ее зубы, глаза, полные слез, едва намечающуюся грудь. Агида не понимала ни одного слова, так как они говорили по арабски и дрожала, как новорожденный козленок.

Си Магомет бен Закур и его скупщик больше не появлялись; а две ночи спустя Агида, которая спала в одной комнате с негритянкой, была ночью внезапно разбужена. Хозяин был подле нее.

Утром сбежались все женщины, охающие и любопытные, и рассказали Агиде, что, по приезде в этот дом, они тоже провели ночь с хозяином или с его племянником. Но только одну ночь. И, действительно, Агиду больше не тревожили.

... торговец рабами Си Магомет бен Закур (к рассказу).

* Уэд—небольшой оазис.

В долгие, томительные часы безделья Агида вспоминала свой родной дом, стадо своего отца, свою мать. Тяжесть лежала на ее сердце. Часами она горько плакала.

Однажды ночью поднялся шум, послышался лошадиный топот, невольницам роздали покрышки и сообщили о предстоящем отъезде. Торговец отдавал последние распоряжения погонщикам верблюдов и начальнику каравана Хаджи Тагару. Для женщин приготовлены были мулы, а маленьких девочек поместили в корзинах, подвешенных к верблюдам. Агида задремала, убаюканная медленным шагом верблюда.

Когда она проснулась, солнце вставало за пальмами оазиса и на горизонте виднелись очертания города.

Женщины бормотали поговорку своей страны:

— Вся несправедливость мира заключена в твоих стенах, о Марракеш!

Они боялись громко жаловаться, так как Хаджи Тагар объяснил женщинам, что их будут теперь выдавать за жен, дочерей и сестер погонщиков. И он поклялся, что отрежет голову той, которая будет это опровергать. Большой выгнутый нож угрожающе висел у его пояса.

Часто они встречали по дороге людей с белыми лицами, в красных одеждах.

— Это французские солдаты, назаряне, — сказала Фара Зогор, любимая наложница Хаджи Тагара.

Агида смотрела на них с ужасом, так как слышала истории о людоедах, гениях, демонах, а также о назарянах, которые убивают детей.

После многих дней пути, они увидели белый город, расположенный на берегу моря. Фара-Зогор сказала, что они подвезают к Рабату. Остановились в караван-сараях, двор был загроможден лошадьми, баранами, верблюдами. Комнаты были почти все заняты. Невольницы должны были уместиться в двух маленьких, очень темных чуланчиках.

Ночью, как и во время всего путешествия, погонщики верблюдов пришли к женщинам. Один из них, сильно пьяный, начал ласкать Фару Зогор. Она подняла крик, услышанный Хаджи Тагаром; мужчины сцепились, выхватили ножи. Потекла кровь; соседи, привлеченные шумом и визгом женщины, сбегались и набросились на Хаджи Тагара, чтобы его обезоружить.

Во время этой суматохи появилось двое солдат. Воцарилась тишина. Невольницы дрожали в своем углу. Солдаты связали руки дравшимся и увели их, к великому отчаянию Фары Зогор.

На следующее утро все невольницы были приведены хозяином караван-сарая в дом, охраняемый солдатами и марокканской гвардией. За столом, покрытым бумагами, сидел начальник. Он позвал араба, говорящего по берберски, и начал допрос невольниц. Он сказал им, что они не должны больше бояться погонщиков, так как их посадили в тюрьму. Но женщины не смели рассказывать правду, они повторяли то, чему их научил Хаджи Тагар. Но затем, путем расспросов, начальник добился истины.

Хозяин караван-сарая отвел женщин к себе, дал им более светлые комнаты. Через несколько дней он увел их за город к зданию, о котором говорили, что это бывший дворец султана. Они вошли в зал, где совершалось правосудие.

Женщины перестали бояться и говорили правду: в сердцах их возродилась надежда. Агида рассказала свою печальную историю, рассказала про предательство соседей, о пребывании в Марракеше, о путешествии с караваном; затем умоляла судей доставить ее к отцу.

Велось тщательное следствие. Их приводили несколько раз в зал суда. Затем им сказали, что их похитители будут наказаны, что суд даст знать их родителям, а пока их поселили у чиновников суда, так как долго оставаться в караван-сараях было невозможно.

Агиду и еще одну девочку — Фатиму — отвели к Си Ларби Кеббай. Он жил в большом доме, наполненном женщинами и девочками. Хозяин пил чай с назарянином, который председательствовал в суде. Агида поцеловала руку обоим мужчинам и, опустив голову, присела на корточках в углу.

— Мой дом полон, право, я не могу оставить их обеих, — говорил Си Ларби.

— Я беру эту, — ответил назарянин, указывая на Агиду. — Маленькая Якут, которая живет у меня, говорит по-берберски.

Агида угадывала, что говорят опять о ее судьбе и тревога сжимала ее сердце.

После ухода назарянина, солдат-мароканец повел Агиду за город. Девочка, плача, бежала за ним. Он шел быстро, не заботясь о ней.

Наконец, они подошли к большому белому дому. Бронзовая девочка возраста Агиды ввела их в дворик, полный зелени и цветов, где находились мужчины и женщины с белыми лицами.

Когда девочка поняла, что ее оставляют у назаряна, отчаяние наполнило ее душу... Она испускала раздирающее сердце крики, билась головой о стенку.

Агида возвращалась с кувшином на плече.

— О, Аллах! Я покинута тобой! Если бы смерть продавалась на рынке — я пошла бы за ней! Лучше погибнуть на дне колодца! Горе мое!..

Она не слушала Якут, которая говорила ей:

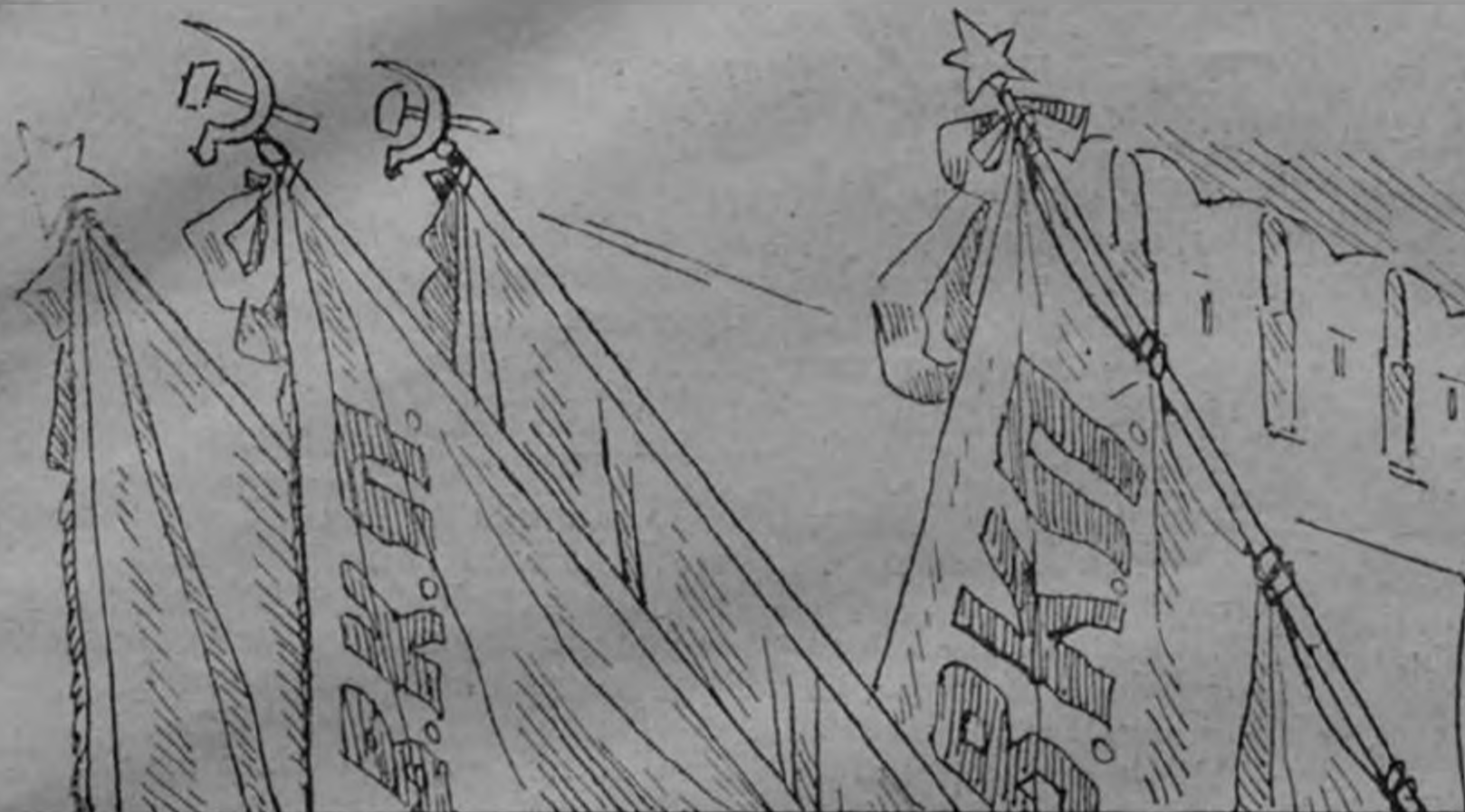
— Не плачь, дорогая сестра, не бойся. Это хороший дом. Тебе подарят много хороших вещей.

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

2
Библиотека
Красная
Панорама

Ленинград: зимний вечер в порту.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

На снимках: вид зала во время засед. XIV парт'езда;
внизу—т. Томский выправляет стеногр. своей речи.

Фот.
ВЦИК.

Вопрос о переименовании Российской Коммунистической Партии во Всесоюзную Коммунистическую Партию поставлен был в порядок дня самой жизнью. Очевидна и бесспорна необходимость такого переименования теперь, когда окончательно сложился, сформировался и окреп СССР. Коммунистическая партия есть правящая партия во всем СССР. Ее руководящая роль распространяется повсюду по СССР, среди всех народов. При таком положении всем ясно разграничение, несоответствие между прежним названием партии—Российская Коммунистическая Партия—и всесоюзным масштабом ее работы. Работающая во всем Союзе компартия должна и называться Всесоюзной.

Отто Игель слышит, как возле дверей, из которых бьет музыка, кто-то, очевидно, откинув голову подпеваает в такт барабану и смеется, грузно бросая смех в темноту...

ИНВАЛИД

Рассказ Г. ВЕНУСА. ■■■■■■■■ Иллюстрации худ. Н. АКимова.

1.

Это случилось уже давно, еще тогда, когда миллиарды и миллиарды в Германии печатались, как этикетки для пивных бутылок. Но я помню эти дни, как день сегодняшней, а потому даже и говорю о них в настоящем времени.

Отто Игель — нищий. На груди у него дощечка:

«Ослеп на войне. Добрые люди, помогите!»

Когда он стоит на Таунциштрассе и, вытянув руку, ждет подающий, возле ног у него, — немного влево, — из дня в день вздыхает и жалуется старик за сапожными щетками:

— Чистить-то ботинки, — чистят!.. Ну?.. Ну, что купить теперь можно?.. За картофель — 45 миллиардов, за лук — 300..: А вакса для работы?: А вакса?.. Ваксу-то купи! Ну?.. Вот она каша Вильгельмова! До сего дня не остыла, а хлебай, говорю!.. Ну?

Было бы кому пожаловаться и Отто Игелю. Но Отто Игель не жалуется. Прямой и неподвижный, как на посту, хмуря ставшие после ранения редкими, брови, весь день стоит он, ни влево, ни вправо не поворачивая. И не он, а дощечка, выданная Красным Крестом, взывает к торопливому прохожим:

Отто Игель — нищий. Ослеп на войне.

«Добрые люди»..

На Игеле старая, военная тужурка. В цей он и лето и зиму. И тогда, когда сбегая с высоких крыши, по спине его прыгают дожди, и тогда, когда пот ползет под рубахой.

«Ну, а ваксу-то, ваксу купи!..»

Гудят автомобили..

2.

По Таунциштрассе ходит много русских..

Тот русский, — без шинели и шапки, — который бросил в него ручную гранату, в слепоте не повинен. Вель Отто Игель тоже бросал ручные гранаты!

Он помнит русских: русских пленных пригоняли тысячами. Цепной собакой выла над Вислой снежная метель, а многие русские не имели даже шинелей. Теперь Отто Игель тоже не имеет шинели.

«Как жизнь уравнила!» — думает Отто Игель. — «А врагами назывались!» В лагерях бородатые пленные жадно хлебали прелую брюквой пропахшую похлебку. Теперь Отто Игель каждый день ест ту же похлебку. И ест ее так же жадно.

И вот, быть может, потому, слушая на Таунциштрассе русскую речь, Отто Игель, без злобы и горести думает о русских. Думает: рыжие, бородатые, без шинелей, в зеленых фуражках с наломанными козырьками, бродят они по Таунциштрассе. И с ними, — бок о бок, — в военных старых тужурках, с которых клочья серого сукна свисают вырванными колючей проволокой треугольниками, бродят вернувшиеся с фронта солдаты Вильгельмовой, разбитой армии, тоже голодные, и жадные, как были когда-то под Вислой русские..

«Как жизнь-то уравнила!.. А!..»

Так думает Отто Игель..

3.

Очевидно, солнце за дома еще не зашло. вечером прохожие по Таунциштрассе идут, мягко шаркая по панели. Но сейчас они идут быстро, — еще по делам.

Отто Игель волнуется: «Вечер бы.. вечер бы скорее!..»

Очевидно, и старик за сапожными щетками взволнован не менее Игеля

— Ну, ну! — повторяет он. — Ну-у! — И Отто Игель слышит, как в голосе его прыгает беспокойная зависть.

— Ну, и повезло же вам, Игель! Stock - schwer - Not! Вот что значит иностранец! Биллион отвалил!.. Что?.. Что говоришь, ну?.. ну?..

Отто Игель ничего не говорит. Он не может понять, как мог тот, кто говорил по-русски, сунуть ему в руку эту гладкую бумажку? И еще не может понять Отто Игель, как, вообще, может кто-либо в эти дни, когда картофель стоит 45 миллиардов, а лук — 300, давать бумажку, которая, сгибаясь под его пальцами, так ласково шуршит острыми, еще никем не затрепанными уголками.

— От русского, — приняв бумажку сказал тогда Отто Игель. И, вспомнив рыжие, вшивые бороды, улыбнулся. — А врагом назывался! Из последнего видно!..

— Из последнего... — как бы не так! — засмеялся под ним старик и вдруг, застучал об ящик сапожными щетками:

— Послушайте! Послушайте! Да ведь биллион это!.. Один биллион!.. Э-эх русские, вот они, твои русские!.. Отто!.. Отто!.. Отто Игель!.. Ну и живут же люди!..

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

XX 41
8

Цена № — 15 коп.

Теннис: критический момент

(Обложка раб. худ. Н. Кочергина)

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

№ 31 (125)

ЛЕНИНГРАД

Пятница, 30 июля

ПАМЯТИ БОРЦА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Феликс Эдмундович Дзержинский за работой в своем кабинете. (фот. Булла)

20 июля, в 16 час. 40 мин., на своей квартире, от приступа грудной жабы, скончался председатель ВСНХ Союза ССР и председатель ОГПУ тов. Феликс Эдмундович Дзержинский. Человек исключительной энергии и целиком преданный делу революции, он горел деятельным огнем на своих ответственных постах. В лице тов. Дзержинского для всего Союза ССР умер человек, который не только руководил делом развития народного хозяйства Союза Советских Социалистических Республик, но который был одним из героев Октябрьской революции и все время стоял на страже ее завоеваний.